Дата поступления рукописи в редакцию: 12.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-1-171-175

ХАДИСОВ Газиявдибир Хадисович,
начальник отдела научных исследований
Северо-Кавказского института (филиала) ФГБОУ ВПО ВГУЮ,
к.ю.н., доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАДЖИЕВ Абдула Шамильевич,
Магистрант 2 года обучения
Северо-Кавказского (г. Махачкала) института ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам назначения и исполнения уголовного наказания за преступления экстремистской направленности. Автор анализирует противоречия и пробелы в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации, регулирующем ответственность за данные деяния. В работе рассматриваются сложности правовой квалификации экстремизма, разграничения смежных составов преступлений, а также проблемы определения справедливой и эффективной меры наказания, соответствующей степени общественной опасности содеянного и личности виновного. Особое внимание уделяется вопросам применения как лишения свободы, так и альтернативных видов наказания, их специфике и эффективности в контексте целей исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов выявляются тенденции карательной политики в данной сфере. В заключение формулируются предложения по совершенствованию правовых норм и правоприменительной деятельности, направленные на оптимизацию уголовной ответственности за преступления экстремистского характера и обеспечение баланса между интересами государства и общества и правами личности.*

Ключевые слов*а: экстремизм, преступления экстремистской направленности, уголовное наказание, назначение наказания, лишение свободы, альтернативные виды наказания, общественная опасность, квалификация преступлений, уголовная политика, противодействие экстремизму.*

HADISOV Gaziyavdibir Hadisovich,
Head of the Scientific Research Department
of the North Caucasus Institute (branch) of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education,
PhD, Associate Professor

GADZHIEV Abdula Shamilevich,
Master's student of 2 years of study
at the North Caucasus State University (Makhachkala) Institute

ISSUES OF THE APPLICATION OF PUNISHMENT FOR CRIMES OF AN EXTREMIST NATURE

Annotation. *The article is devoted to the current problems of the appointment and execution of criminal penalties for crimes of extremist orientation. The author analyzes contradictions and gaps in the current criminal and penal enforcement legislation of the Russian Federation regulating responsibility for these acts. The paper examines the complexities of the legal qualification of extremism, the differentiation of related crimes, as well as the problems of determining a fair and effective measure of punishment corresponding to the degree of public danger of the act and the identity of the perpetrator. Special attention is paid to the issues of the use of both deprivation of liberty and*

alternative forms of punishment, their specifics and effectiveness in the context of the goals of correcting the convicted person and preventing new crimes. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, the trends of punitive policy in this area are revealed. In conclusion, proposals are formulated to improve legal norms and law enforcement activities aimed at optimizing criminal liability for crimes of an extremist nature and ensuring a balance between the interests of the state and society and individual rights.

Key words*: extremism, extremist crimes, criminal punishment, sentencing, imprisonment, alternative types of punishment, public danger, qualification of crimes, criminal policy, countering extremism.*

Современное российское общество активно дискутирует о проблемах, связанных с назначением наказаний за деяния экстремистского характера, что справедливо считается одной из наиболее актуальных тем. За последнее время участились ситуации неправомерного возбуждения уголовных дел против граждан по статьям, касающимся экстремизма [1, с. 55]. Необоснованность проявляется в применении мер уголовной репрессии к лицам, совершившим не представляющие общественной опасности деяния, не имевшим умысла и не преследовавшим цели возбуждения ненависти либо вражды, а также унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Современные нормы УК РФ дают возможность преследовать граждан даже за незначительные проступки, включая размещение мемов и изображений в интернет-пространстве. Подобная практика указывает на карательную направленность государственной стратегии по борьбе с экстремизмом в уголовно-правовой сфере [2, с. 37].

Лишь незначительное количество судебных решений по экстремистским делам, которые вступают в противоречие с фундаментальными принципами уголовного права — справедливостью, законностью, гуманностью — и базовыми естественно-правовыми нормами, привлекает внимание широкой общественности [3, с. 65].

Российское общество сталкивается с формированием признаков авторитаризма вместо демократических ценностей: граждане опасаются публично выражать собственную позицию, СМИ практикуют самоограничение, распространяется общая атмосфера тревожности. Причиной служит избирательное применение антиэкстремистских уголовных норм, противоречащее базовым правовым принципам – равноправию, законности и справедливости. Масштабы информационного и интернет-пространства России делают такую выборочность особенно очевидной.

Подобная ситуация подрывает заложенные в Конституции РФ основополагающие ценности, такие, как свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, запрет цензуры (ст. 29 Конституции РФ), свобода совести, свобода вероисповедания, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения (ст. 29 Конституции РФ) и др. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Нельзя не обратить внимание на чрезмерную суровость санкций статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности. Так, по ч. 1 ст. 282 УК РФ максимальное наказание за совершение такого ненасильственного преступления как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства предусмотрено в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет. А, к примеру, совершение такого насильственного преступления как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью карается по ч. 1 ст. 112 УК РФ максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до трёх лет.

Неоднозначной также выглядит и позиция законодателя, фактически приравнявшего организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) к организации террористического сообщества и участию в нем (ст. 205.4 УК РФ). Максимальная санкция за совершение первого из названных преступлений определена законодателем в виде лишения свободы на срок от шести до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет. За совершение второго – предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Однако даже при этом сравнении санкция ст. 282.1 УК РФ выглядит чрезмерно строгой и не соответствующей степени и характеру общественной опасности предусмотренного

её нормами деяния. Правы Д.К. Нечевин и Л.М. Колодкин, подчёркивающие, что «уголовно-правовое принуждение имеет пределы своей эффективности» [4, с. 54].

Более чем сомнительным является приравнивание оправдания терроризма к самой террористической деятельности. И, тем более, установление уголовной ответственности за оправдание терроризма в рамках статьи уголовного закона, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма влекут уголовную ответственность по ст. 205.2 УК РФ, с санкцией в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

В тех случаях, когда указанные деяния совершаются с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно- телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», то по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, в числе иных видов наказания, к виновному может быть применено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до семи лет.

Наше исследование выявило неоднозначную реакцию граждан России на строгие судебные решения, вынесенные за публичное одобрение террористической деятельности, что было зафиксировано в опубликованной нами научной работе по этой тематике.

Свидетельством этого служат «обвинительные приговоры с реальными сроками лишения свободы, вынесенные по делам об оправдании взрыва в здании Регионального управления ФСБ по Архангельской области. 15 октября 2020 г. 2-й Западный окружной военный суд вынес приговор жителю г. Вологды С.А. Его признали виновным в оправдании терроризма за комментарии о взрыве в Архангельском УФСБ. Как следует из материалов дела, 1 ноября 2018 года С.А. в группе «ВКонтакте» «Плохие новости 18+» оставил несколько комментариев, в которых восхищался поступком взорвавшего себя в здании ФСБ Михаила Жлобицкого. Экспертиза выявила в его словах признаки оправдания терроризма. Несмотря на то, что С.А. пошел на активное сотрудничество со следствием, полностью признал свою вину и искренне раскаялся; является отцом-воспитателем двух малолетних детей, а также принимал деятельное участие в оказании помощи детям-сиротам, он, по решению суда, получил реальный срок – пять лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. В целом, за комментарии о взрыве в Архангельском ФСБ возбудили более полутора десятка уголовных дел. Ранее, 5 марта 2020 г. житель Калуги И.Л. также был приговорен к пяти годам и двум месяцам колонии общего режима за оправдание терроризма из- за комментария во «ВКонтакте» о взрыве в здании ФСБ в г. Архангельске» [5, с 256].

Чрезмерная суровость наказания, предусмотренного статьей 205.2 Уголовного кодекса, либо сама правомерность установления уголовной ответственности за распространение террористических идей, их публичное одобрение и агитацию в пользу терроризма вызывают серьезные вопросы. Об этом свидетельствует широкий общественный отклик на судебные процессы по данной статье и сомнения в обоснованности судебных решений. Когда человек получает реальное пятилетнее заключение в исправительной колонии со строгим режимом содержания только за высказывание собственной позиции в интернет-пространстве, это неизбежно порождает общественное непонимание и противоречие с представлениями о справедливости. Таким образом, можно утверждать, что криминализация подобных деяний недостаточно обоснована с точки зрения социальной необходимости.

Максимальный срок заключения за намеренное нанесение повреждений средней степени тяжести по первой части статьи 112 Уголовного кодекса России не превышает трёхлетнего периода. К тому же, данное высказывание было размещено в закрытом сообществе с ограниченной аудиторией, что существенно сокращало круг потенциальных читателей этого замечания.

А за то же насильственное преступление, совершенное, например, в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего, либо же по экстремистским мотивам максимальное наказание не может превышать пяти лет лишения свободы. «Очевидно, ставить на одну доску вербальное выражение своего мнения с тяжким насильственным преступлением нельзя. А именно санкция является мерилом степени и характера общественной опасности преступлений. Налицо явный перегиб, допущенный законодателем» [5, с 257].

Общественная угроза данного деяния не достигает уровня материального элемента преступного посягательства, и рассматривать его как разновидность террористических действий было бы ошибочным. Публичное одобрение терроризма заключается в открытом высказывании гражданином позиции, содержащей положительную характеристику либо отдельного террористического нападения, либо террористических

операций в целом, что принципиально отличается от применения силы. В свою очередь, террористические операции включают использование методов запугивания населения – похищения людей, подрывы гражданских объектов и подобные насильственные методы – с целью воздействия на властные структуры для получения необходимых политических решений. Это опасное для общества явление базируется на желании злоумышленников через создание атмосферы страха заставить государственные институты действовать определённым образом.

В ходе проведенного исследования среди представителей силовых структур пяти субъектов России выяснилось, что подавляющее большинство - 72% участников опроса - поддержали предложение убрать формулировку «публичное оправдание терроризма» из названия и содержания статьи 205.2 Уголовного кодекса РФ. Респонденты согласились с выдвинутой позицией о том, что данное деяние не достигает уровня общественной опасности, необходимого для признания его преступлением, и его нельзя ставить в один ряд с террористической деятельностью. Противоположную позицию заняли 20% участников исследования, которые убеждены, что публичное оправдание терроризма несет угрозу обществу и требует применения уголовно-правовых санкций. Оставшиеся 8% опрошенных работников правоохранительных органов не смогли определиться с ответом на поставленный вопрос [, с. 83].

С учетом приведенных аргументов целесообразно убрать формулировку «публичное оправдание терроризма» из названия и содержания статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Помимо этого, санкция данной нормы требует корректировки путем удаления наказания в форме заключения под стражу, поскольку такая мера воздействия не соответствует степени общественной угрозы, которую представляет описанное в статье противоправное действие.

Статья 205.2 является специальной по отношению к ст. 280 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил в абз. 2 п. 5 постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», что «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в силу предписаний части 3 статьи 17 УК РФ подлежат квалификации не по статье 280 УК РФ, а в зависимости от обстоятельств дела по части 1 или части 2 статьи 205.2 УК РФ» . В этом аспекте выглядит довольно странно, что законодатель счёл возможным поместить их в разные главы уголовного закона, в главу 24 и главу 29 соответственно.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности подразумевают, что виновный преследовал цель побудить иных лиц к совершению экстремистских действий.

Не исключены случаи, когда в действиях виновного содержатся одновременно и признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, и признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Думается, что, хотя Пленум Верховного Суда РФ и не конкретизирует ответ на этот вопрос, подобные случаи надлежит рассматривать не как совокупность преступлений, а квалифицировать деяние по ст. 280 УК РФ. Объясняется это тем, что терроризм – это проявление экстремизма. Помимо ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» это ранее было подтверждено и п. 19 постановления от 28 июня 2011 г. № 11, в котором ранее указывалось, что «в соответствии со статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности (экстремизма)». Пленум Верховного Суда РФ счёл необходимым отказаться от данной формулировки, что, тем не менее, ни в коем случае не нивелирует соответствующего положение антиэкстремистского закона.

Стоит отметить явную диспропорцию в применении мер борьбы с экстремизмом - например, блокировка финансовых активов граждан, находящихся под подозрением в причастности к экстремистским действиям, представляется чрезмерной санкцией. Нередко подобные ограничительные меры не соответствуют реальной угрозе, которую представляют инкриминируемые деяния. Кроме того, следует подчеркнуть существенное ужесточение законодательства: статья 205.2 Уголовного кодекса, перекликаясь с положениями статьи 280, устанавливает более строгие рамки ответственности. Если ранее наказуемыми были только открытые призывы к террористическим акциям, то теперь под уголовное преследование подпадает также публичная апология терроризма и его распространение.

Подводя итоги, можно констатировать следующее.

Анализ санкций за экстремистские деяния выявил существенные недостатки в действующем законодательстве. Нормы, направленные на борьбу с экстремизмом, характеризуются избыточной жёсткостью и дисбалансом между тяжестью содеянного и мерами ответственности. Правоприменительная практика демонстрирует избирательный подход и систематическое прене-

брежение фундаментальными правовыми принципами – законностью, справедливостью и равноправием.

Подобная ситуация порождает в социуме климат запугивания, заставляет граждан опасаться открыто выражать собственную позицию, провоцирует цензурные ограничения в медиапространстве. Все эти явления характерны для авторитарных режимов и противоречат демократическим ценностям.

Включение в диспозицию и название ст. 205.2 УК РФ формулировки «публичное оправдание терроризма» как способа реализации преступного деяния представляется нецелесообразным и требует исключения. Данное действие ошибочно рассматривать в качестве разновидности террористической деятельности, поскольку степень его общественной опасности не достигает уровня материального критерия преступного посягательства. Законодатель совершил необоснованную ошибку, поставив знак равенства между оправданием терроризма и собственно террористической деятельностью, установив за это наказание по статье уголовного кодекса, санкции которой предусматривают возможность применения реального лишения свободы.

Список литературы:

[1] Королёв Ю.Н. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 54-57.

[2] Руева Е.О., Вражнов А.С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 37.

[3] Шестало С.С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно- телекоммуникационной сети Интернет // Юрист. 2019. № 9. С. 65.

[4] Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 54.

[5] Королёв Ю.А. Понятие и формы экстремистской деятельности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12. С. 256.

[6] Королёв Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Дис. …канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 83

[7] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

References:

[1] Korolev Yu.N. Public danger of extremist crimes//Legal science. 2020. № 8. S. 54-57.

[2] Rueva E.O., Vrazhnov A.S. Problems of formulating definitions in extremist crimes//Russian investigator. 2019. № 4. S. 37.

[3] Shestalo S.S. A new round of combating extremism: criminal liability for the distribution of prohibited materials on the Internet//Lawyer. 2019. № 9. S. 65.

[4] Nechevin D.K., Kolodkin L.M. Youth extremism and preventive possibilities of non-violence ethics//Administrative law and process. 2019. № 7. S. 54.

[5] Korolev Yu.A. Concept and forms of extremist activity//Eurasian Law Journal. 2020. № 12. S. 256.

[6] Korolev Yu.A. Differentiation of criminal liability for extremist crimes. Dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2022. S. 83

[7] On judicial practice in criminal cases of extremist crimes": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 No. 11//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 8.